

Нарвская трагедия.

Части Северо-Западной Армии все ближе откатываются к эстонской границе, все приграничные населенные пункты забиты войсками и беженцами, положение их чрезвычайно тяжелое, нет продуктов, медикаментов. Эстонское правительство, руководствуясь личными выгодами, ведет по отношению и к военным и гражданским беженцам весьма отрицательно. Эстонские войска отнимают последнее, снимают оружие даже с офицеров, так был избит и обезоружен подпоручик Силгайл, в дальнейшем эстонское командование вводит для офицеров запрет на ношение орденов и личного оружия.

Надо отдать должное солдатам и офицерам Северо-Западной армии, несмотря на огромное превосходство красных, многие части оказывали упорное сопротивление, особенно Ливенская дивизия как наиболее боеспособная.

В ночь с 20 на 21 ноября серьезные потери понес Балтфлот, на минах, скорей всего, английских, подорвались эскадренные миноносцы “Гаврил”, “Свобода”, “Константин”, направленные для постановки мин в Копорском заливе.

С 23 по 26 ноября 7-я армия противника (6, 56 и 2 дивизии) вели упорные бои с частями Северо-Западной армии, красные несли большие потери, продвижения практически не было, только части 6-й дивизии заняли д.д. Илькино и Фитинка.

25 ноября генерал Юденич своим приказом отстранил от занимаемых должностей ряд генералов, среди них начальник штаба генерал Вандам, генералы Арсеньев, Малявин (приказ №355). Что касается Евгения Константиновича Арсеньева, то его зачисление в резерв выглядит странно, ведь он оказался заложником ситуации, создавшейся после переброски по приказу генерала Юденича, бригады генерала Долгорукова в район Гатчины, и тем самым Лужский участок был ослаблен, чем части противника не преминули воспользоваться. Генерал Арсеньев предпринял попытки хоть как-то улучшить ситуацию, но перевес красных был огромный, в частности, против 2-х полков 3-й бригады действовала 10-я дивизия большевиков. Снизойдя на просьбы генерала Юденича, “союзники” помогли достигнуть 26 ноября соглашения о предоставлении войскам района на юге от Нарвы для размещения.

27 и 28 ноября упорные бои продолжались, лишь 28 ноября 2-й дивизии красных удалось форсировать р. Пята, 15-я армия противника своим правым флангом вышла в район д.д. Низы и Усть-Черново.⁴⁹⁾

Вот что пишет в своем дневнике ливенец артиллерист: “25 ноября. По приказанию командарма, батарея заняла позицию на участке 1-го Эстонского полка на левом берегу р. Наровы против впадения в нее р. Плюссы.

До 28 ноября батарея оставалась на этой позиции, ведя огонь по д.д. Низы, Усть-Жердянка, Черново, Б. Жердянка, по скоплению красных и по их цепям. Позиция батареи открытая, в пехотной цепи для фланкирования “Плюсской переправы”. Этот период боев, а также последующие бои – борьба за обладание Нарвой – отличались крайним упорством, при сильнейшем артиллерийском огне с обеих сторон (артиллерия до 10-дюйм. пушки), при атаках доходивших до штыковых схваток, при огромных потерях красных, ходивших в атаку колоннами, будучи в некоторых случаях предварительно одурманенными алкоголем и наркотиками. Моментами ураганный артил. огонь обнимал фронт море-Сала-Дубровка-“Плюсса”-Вязка, по своей интенсивности напоминал огонь Великой Войны”.

7 декабря началось наступление частей 15-й армии красных, 2-я дивизия 7-й армии (3 полка) перешла в наступление на д.д. Бол. Жердянка и Устье-Жердянка, но была отброшена. Отметим, что обе армии противника действовали разрозненно, между ними не была налажена связь, и только после вмешательства командующего фронтом начались попытки вести совместные действия. Отметим также, что если 15-я армия боевые действия вела активно, то 7-я почти не продвигалась. 8 декабря после артподготовки в 10.10 6-я дивизия красных повела наступления. Через час также после артподготовки в бой вступили части левого фланга 56-й дивизии. Сопротивление было сильнейшим, особенно большие потери наступающие несли от артогня.

15 декабря части 2-й дивизии противника взяли после тяжелых боев д.д. Бол. Жердянка, Устье-Жердянка и Вязка и переправили через р. Нарову.

17 декабря в 12.00 7-я армия красных после артподготовки частями 56-й дивизии заняла д. Кошкино, мз. Мариенгоф и Сали.⁵²⁾

22 декабря противник начал перегруппировку войск для решительных действий, продолжалась она до 27 декабря, в районе 2-й дивизии части Северо-Западной армии 26 декабря провели успешное контр наступление, причем дивизия потеряла всю артиллерию.

Попытки красных вести наступление в течение 28 – 31 декабря пресекались мощным огнем артиллерии и стрелкового вооружения. Наступающие части несли потери.

Исходя из возможного начала переговоров с эстонцами и видя безрезультатность наступательных действий, красное командование отдало приказ о переходе к обороне.

Итак, Северо-Западная Армия взошла на свою Голгофу. В довершении всех бед в декабре началась тифозная эпидемия. Госпиталя были переполнены, не хватало медикаментов, медицинского персонала, люди умирали сотнями. По воспоминаниям капитана фон Зауэра: “Ввиду преступного отношения “диких” эстонцев эпидемия приняла грозные размеры, и эти месяцы в Нарве – сплошной кошмар. На некоторых дворах и в некоторых помещениях трупы валялись неделями. Мертвых вывозили на санях, сложенных как дрова и бросали часто без всякого погребения за город. Каждый день многочисленные похоронные процессии. Больные находились и в частных домах и в госпиталях. Санитарные условия были ужасны”.

Можно ли было спасти армию? Финляндия и Латвия отказались пустить русские войска на свою землю. Что касается передислокации на север или юг, то сказалось отсутствие флота, переговоры с “союзниками” о предоставлении транспорта окончились неудачно. Между тем, эпидемия тифа, занесенного, по мнению очевидцев, пленными красноармейцами, разрасталась. Вот описание “госпиталя”, сделанное одним из участников этой трагедии: “Представьте себе невысокое здание в 180 арш. длины, 18 арш. ширины, 5 арш. высоты. Вонь и смрад ужасные, ибо уборная внизу вся завалена калом. Больные ходили буквально “под себя”, или, в лучшем случае, в коридор, по которому, не запачкав ноги, нельзя было пройти. Вентиляции нет. Врача также, а бывшие в дивизии врачи все свалились в общую вшивую кучу. В этом бараке-гробе шевелилось 1016 больных. На всех была лишь одна полуживая сиделка, сама с температурой не ниже 37,9 и 16 санитаров. Эти полуживые люди едва успевали подать несчастным кипятком, о чае нечего было и думать. Поэтому нет ничего удивительного, что около барака шныряли спекулянты мальчишки, которые продавали несчастным снег по 7–10 марок за котелок.

Питались обреченные лишь хлебом. 90 процентов больных даже не имели возможности вымыть руки и лицо. Баня была недостижимой мечтой. Между живыми на полу лежали застывшие трупы. Больные сами выносили трупы из барака на двор или на улицу, где складывали их в кучи, откуда их забирали автомобиль-грузовик и свозил их на кладбище в поле. Среди солдат можно было видеть бродящих как тень офицеров, решивших умереть с теми, с кем они несли радость и невзгоды войны”. Все эти ужасы привели к падению дисциплины, дезертирству, были случаи убийства своих офицеров. Не менее ужасно было положение беженцев, покинувших с армией районы, которые она занимала. Грабежи войск и обозов, пересекавших эстонскую границу, были возведены в ранг государственной политики, с солдат срывали нательные кресты, обмундирование, взамен давались какие-то тряпки. Число умерших можно исчислять тысячами, об ужасном положении Армии и беженцев писали Европейские газеты, страны Антанты пытались воздействовать на эстонцев, но удавалось это с трудом. Большую помощь оказал Американский Красный Крест, прибыли врачи из Англии и Швеции, но только к лету 1920 года эпидемию удалось остановить.

Видя все происходящее, генерал Юденич 22 января 1920 года подписал приказ о ликвидации Северо-Западной Армии.

Н.Н. Юденич и В.К. Пилкин у штаба Северо-Западной армии. Нарва, осень 1919 года.

Генерал-губернатор Северо-Западной Области генерал-лейтенант В.В. Глазенап. 1919 г.

Главкомандующий Северо-Западным фронтом генерал от инфантерии Н.Н. Юденич

Дневник адмирала В.К. Пилкина

20 ноября 1919 года.

Слухи, слухи, слухи... Этому способствует масса офицеров, находящихся здесь в тылу, в Нарве. И морских офицеров много. Часть с танков, которые теперь в Ревеле. Эстонцы не пропустили с ними личный состав. Часть офицеров, переведенная для формирования танкового полка и за прекращением этого формирования оставшаяся не у дел. У меня не хватает духа сказать этой массе офицеров: все равно вас пережут как цыплят; возьмите винтовки и идите на фронт стрелками. Если бы все недорезанные еще буржуи взяли ружья, может быть, еще и отбились бы. Правда, я мог бы просить назначения морских офицеров по полкам, но теперь и не найдется полка в лесах и болотах, штабы не знают, где кто находится, потеряли связь. Да и по существу-то дела сейчас поздно, и все это офицерство не принесет, в отступающей в страшном беспорядке армии, большой пользы, а лишь погибнет бесплодно. Потом будут говорить, морские офицеры сидели в тылу, но здесь же на ситцевой фабрике 60 сухопутных артиллеристов. Вообще ужасная организация армии, у которой сейчас около 7 тысяч штыков и более 7000 повозок в обозе. Около 3 тысяч офицеров на учете и только 400 на фронте...

21 ноября 1919 года.

Четверухин упоминал и о большевистских выходках. Даже среди интеллигенции встречалось скептическое отношение: мы вне политики, в гражданской войне участвовать не желаем и т. п. Это, разумеется, не большевики, а уклоняющиеся. Среди русских рабочих тоже было недоброжелательство. Когда вызвали в первую очередь офицеров для записи, послышались голоса: на фронте сади, здесь спереди и т. п. Бедное, бедное офицерство, но ведь не совсем же даром так враждебны к тебе все. Юденич мне как-то говорил: “То, что сейчас происходит — расплата за крепостное право! Когда народ освободили, он был слишком обрадован, чтобы сейчас же начать мстить. Сейчас же он напоминает старое. Офицеры наши тоже расплачиваются, потому что быт в нашей армии был крепостнический. Но офицеры расплачиваются, но не понимают, не поняли за что”.

Но они ли одни виноваты, а расплачиваются главным образом они. Маргулиесу, Богданову, Пешкову, Горну и в голову не приходит мысль, что офицерство вовсе сейчас не обязано проливать за них свою кровь. Им и в голову не приходит вопрос, почему они сейчас не на фронте? Это... это дело офицеров и солдат. Они обязаны умирать, это их ремесло, специальность так сказать. Правда, так было прежде, но сейчас армия ведь добровольческая. Мобилизация никого, кроме офицеров, не коснулась. Интеллигенция призывалась, но не влилась в ряды армии. Сотни [1 нрзб] укрылись под украинскими, польскими и т. п. паспортами.